

В воздухе повисла тяжелая тишина. Хуан Цзыхань и его ребята, завидев, что их товарища по группе зажимают, почти не раздумывая рванулись на выручку. Какими бы натянутыми ни были их отношения в обычное время, тут действовал простой закон: свои могут грызть своих сколько угодно, но чужакам ходу нет.

Стоило троице сделать шаг, как дорогу им преградила Сюй Фэй, жестом призывая не горячиться.

— Ли Шуинь, возьми себя в руки! — быстро заговорила она. — Отпусти Шан Яня. Я понимаю, ты без ума от Ань Гэ, но фанатская любовь должна иметь границы. Ну вышла она замуж, и что теперь? Зачем устраивать этот погром?

Сюй Фэй прекрасно знала, на что способен Ли Шуинь, и понимала: для изнеженного молодого господина схватка с ним — чистое самоубийство.

— Ты ведь только освободился, неужели опять на нары захотел?..

Она старалась говорить мягко, убедительно, выстраивая переговоры так, словно успокаивала дикого зверя.

— Ань Гэ сейчас на Большом заводе. Давай я тебя с ней познакомлю? Хочешь автограф, совместное фото — устрою всё что угодно, только отпусти Шан Яня!

Но Шуинь не слушал. В его ушах стоял лишь глухой гул.

«Какие, к чёрту, фанаты? Какие автографы? Какое совместное фото?! Не эта дрянь мне нужна!»

За окном надрывно стрекотали летние цикады. В полумраке кофейни зависло такое удушливое безмолвие, что, казалось, было слышно, как в панике колотятся чужие сердца. Сун Цзымо держал руку в кармане, до белизны в суставах сжимая мобильный телефон.

«Может, звякнуть Цзюнь-гэ? Пусть приедет и заберет это ходячее бедствие, пока не поздно?»

Если дело зайдет слишком далеко и этот сумасшедший покалечит Шан Яня, Сун Цзымо и сотней жизней не расплатится перед его влиятельной семьей.

— Инь... Инь-гээр... — выдавил он, робко протягивая руку, чтобы перехватить запястье Шуиня.
— Пусти ты Янь-гэера. Не навлекай беду на Цзюнь-гэ.

Но не успели его пальцы коснуться рукава, как Ли Шуинь полоснул его по лицу таким ледяным взглядом, что Цзымо инстинктивно отшатнулся.

Шан Янь задышался, но продолжал яростно смотреть.

«И зачем только я примчался его спасать? Из-за гребаных кошмаров, где он каждую ночь дохнет в муках? Да пусть бы подышал, черт его дери!»

— Кх... кха... — хрипел парень.

Его лицо было намертво прижато к полированному дереву, а горло упёрлось в острый край столешницы. Сказать хоть слово не получалось, легкие горели от нехватки кислорода, а бледные щеки наливались багрово-синюшным цветом.

Никто не смел подойти ближе. Тем временем Ли Шуинь лихорадочно перебирал в памяти всех отпрысков клана Шан, чей возраст подходил под описание мужа Ань Гэ.

— Шан Муцзинь? — ледяным тоном спросил он.

Шан Янь уперся ладонями в стол. В его груди поднялась буря недоумения. Откуда этот нищесброд вообще знает имя Муцзиня?

— Шан Муфэн? — продолжал допрос Шуинь.

Пленник не мог выдать ни звука, лишь отчаянно извивался всем телом, пытаясь вырваться из стального захвата. Но Ли Шуинь держал крепко, вдавливая его голову в столешницу с неослабевающей силой.

— Шан Мучжо?

Ответом было лишь натужное хрипение.

— Уж не Шан Мучэнь ли?

Эти имена заставили Сун Цзымо, Шан Яня и Сюй Фэй похолодеть от изумления. Никто из них не ожидал, что какой-то безродный парень с такой легкостью жонглирует именами наследников великой династии. Клан Шан был огромен, его ветви опутывали всю страну, но далеко не каждого бастарда вносили в официальную родословную. Тот же Шан Мучэнь — незаконнорожденный выродок, грязное пятно на репутации семьи, о котором в приличном обществе помалкивали. Если знакомство Ли Шуиня с именами старших братьев еще можно было списать на праздное любопытство и куцые статьи в прессе, то знание о Мучэне выходило за любые рамки разумного.

До этого Ли Шуинь наивно полагал, будто интернет знает об Ань Гэ всё. Он забыл старую истину: сеть выдает лишь то, что выгодно корпорациям, а не подлинную изнанку чужих

жизней.

Она замужем. И не за кем-то, а за членом семьи Шан.

Шуинь ярился, чувствуя, как глаза наливаются кровью, а веки нестерпимо жжёт. Пальцы, сжимавшие шею Шан Яня, сомкнулись еще безжалостнее.

— Отвечай, тварь! Кто он?! — прорычал он прямо в багровое ухо парня.

«Да отпусти ты меня сперва, дегенерат! Как я тебе скажу, когда ты мне горло перекрыл?!»

Сюй Фэй, понимая, что безумец готов переломить парню шею, в панике выкрикнула:

— Шан Мухань!

Эти два слова подействовали на Ли Шуиня как капля ледяной воды, брошенная в кипящее масло. Внутри у него всё взорвалось, кровь заклокотала в жилах с бешеной силой.

Шан Мухань...

Как он мог позабыть про этого человека?

— Ха... Ха-ха... — Ли Шуинь разжал пальцы и бессильно откинулся на спинку стула.

Его сотряс жуткий, утробный хохот, переходящий в хриплый, безумный клекот — так мог бы смеяться выходец из преисподней. Он и вправду сгнил. Сгнил до самого основания. Семь лет за колючей проволокой не просто вытравили из него остатки воли — они заставили его позабыть, ради чего он когда-то пересёк половину земного шара и вернулся на родину.

Ци Дундунь в ужасе уставился на него. Сколько он знал Ли Шуиня, тот всегда оставался безучастным, замороженным, словно живой мертвец. Дундунь был уверен, что этого человека невозможно расшевелить, и уж точно не ожидал увидеть такую бурю эмоций из-за какого-то имени. От этого дикого, зловещего смеха у него мороз пробежал по коже.

Шан Янь судорожно закашлялся, массируя шею. На его бледной, почти девичьей коже мгновенно расплылись уродливые багровые полумесяцы от чужих пальцев. К нему тут же подлетел встревоженный Гуань Шэн с бутылкой ледяной воды и бережно прижал её к ушибленному горлу. В глазах Шэн-цзы стояли слёзы жалости и злости.

— Откуда только взялся этот дикарь?! — запричитал он. — Силу девать некуда?! Тебе же скоро в кадр, а тут такое... Да если бы и не в кадр!

Он смерил Ли Шуиня полным ненависти взглядом и процедил сквозь зубы:

— Звони юристам. Я этого ублюдка по этапу пушу, сгниет за решеткой!

— Отвали, — Шан Янь грубо вырвал бутылку из его рук, свинтил крышку и жадно, давясь, сделал несколько глубоких глотков. — Без сопливых разберусь.

Он искоса, со смесью страха и любопытства, взглянул на Ли Шуиня. Этот дикий, загробный смех до сих пор отдавался у него в ушах, заставляя волосы на теле вставать дыбом.

Ли Шуинь теперь неподвижно сидел в кресле, уронив руки на подлокотники. Он тупо смотрел в окно, на плавающий от зноя асфальт, и в его пустом, потухшем лице сквозило безразличие глубокого старика, стоящего на краю могилы.

Этот взгляд... Шан Янь знал его слишком хорошо. Точно так же этот человек смотрел на мир в его кошмарах.

Последний месяц Шан Янь почти лишился сна. Стоило закрыть глаза, как к нему приходил один и тот же человек. Он стоял и молча улыбался. Но лицо призрака двоилось и расплывалось; просыпаясь в холодном поту, Янь помнил лишь смутный, размытый силуэт.

А потом кошмар изменился. В тот раз мужчина шагнул с крыши высотки и рухнул прямо перед ним. От страшного удара тело разорвало пополам, нижнюю часть отбросило далеко в сторону. Горячая кровь брызнула Шан Яню в лицо, но когда он в ужасе попытался стереть её, на ладонях остались склизкие ошмётки человеческой плоти.

Руки были липкими от сукровицы. Вокруг, насколько хватало глаз, расплывалась багровая лужа, а искалеченное лицо покойника, уставившегося в небо остекленевшим взором, пугающе — едва ли не наполовину — походило на его собственное.

Разорванная плоть, груды костей, лужи крови и эта жуткая, предсмертная ухмылка... Шан Янь обожал хорроры, но реальность сна заставила его содрогнуться от первобытного ужаса.

С тех пор этот кошмар преследовал его почти каждую ночь. Снова и снова Ли Шуинь разбивался всмятку на его глазах.

Постепенно сны становились детальнее, складываясь в рваную, мучительную мозаику чужой жизни.

Шан Янь видел, как окровавленный Шуинь скитается по чужбине, как бежит по глухим просёлочным дорогам, а за ним, оглашая окрестности истошным воем сирен, мчатся полицейские машины. Видел, как тот бьется в истерике на скамье подсудимых, как хрипит на грязном полу тюремной камеры с переломанными ребрами. Видел, как он работает в дешёвом

кабаке, раз за разом оттирая чужую блевотину, а потом сам заходится в спазмах над мусорным баком в тёмном переулке.

В этих видениях Ли Шуинь попадал в автокатастрофу, приходил на шоу «Национальный идол» простым трейни, становился жертвой грязной клеветы и, наконец, оказывался в центре скандала с обвинением в убийстве.

Образы оставались разрозненными фрагментами, но финал у них всегда был один — страшный полет с крыши.

Всё происходящее казалось пугающе реальным. В одном из снов Шан Янь сумел разглядеть имя на бейдже трейни — «Ли Шуинь». Проснувшись, он перерыл все списки участников проекта, но человека с таким именем не нашлось. Зато среди анкет мелькнуло другое знакомое лицо — Сы Жань. Точно такой же парень стоял в толпе зевак вокруг разбившегося тела в его кошмаре, и на его боку висела табличка с той же надписью: «Сы Жань».

Именно через Сы Жаня он вышел на след Ли Шуиня, а потом бесцеремонно отобрал у Сюй Фэй его личное дело. Сведения в куцей анкете с пугающей точностью совпали с деталями из его сновидений. Кошмар просачивался в реальный мир, и верить в простые совпадения стало глупо.

Тем более что в голове Шан Яня крепла безумная, дикая догадка. Эти сны не могли быть случайностью.

«Ли Шуинь — это мой старший брат, который много лет назад пропал без вести и считался погибшим на чужбине.»

Руководствуясь этим порывом, он наплевал на приличия и влез в проект. Раз уж Ли Шуиню суждено оказаться здесь, думал Янь, он будет ждать его на месте. Его вмешательство могло переписать финал этой трагедии. Как минимум, он не позволит брату сделать тот роковой шаг.

Но Ли Шуинь всё не появлялся. И вдруг одного из трейни с треском вышвырнули со съёмок из-за какого-то скандала. Освободилось одно место.

Шан Яня словно обухом по голове ударили. Он понял: это его шанс переломить ход судьбы.

В его кошмарах именно эта вакансия открыла Ли Шуиню дорогу на шоу. Но если закрыть эту лазейку, то и кошмарам не сбыться. Недолго думая, Шан Янь подтянул Сун Цзымо, чтобы тот занял пустующую позицию.

Нет места — нет шанса для Ли Шуиня войти в проект. Всё складывалось идеально.

Оставалось лишь предотвратить ту самую аварию. И вот сегодня, когда визг тормозов разорвал

тишину, а перед глазами на миг мелькнуло лицо Шуиня, Шан Яня осенило.

Брат хотел свести счеты с жизнью вовсе не из-за какого-то скандала. Он просто... устал дышать. Ему опротивел этот мир.

Вот и сейчас Ли Шуинь сидел, тупо уставившись на дорогу, а Шан Янь всерьез опасался, что тот в любой момент может сорваться с места и сигануть под колеса проезжающего грузовика.

Он был болен. Тяжело, психически болен.

Этому человеку требовался хороший мозгоправ, а не его, Шан Яня, нелепые попытки сыграть в спасителя.

— Эй... — Шан Янь несильно пнул ножку его стула, пытаясь привлечь внимание.

Ли Шуинь даже бровью не повел. Он молча поднялся и, повернувшись к Сюй Фэй, глухо произнес:

— Госпожа Сюй, не считите за труд подвезти меня.

Развернувшись, он первым зашагал к выходу. Шан Янь так сжал пластиковую бутылку в кулаке, что она жалобно хрустнула. Ему до смерти хотелось запустить её вслед этому наглецу.

«И ради этой неблагодарной скотины я тут из кожи вон лезу?! Ему на меня плевать с высокой колокольни! Сначала ногу мне расшиб, теперь чуть не придушил — и даже захудалого "прости" из себя не выдавил!»

Если бы не мысль о том, что этот ублюдок может оказаться его родной кровью, Шан Янь прямо здесь расписал бы его физиономию парой сокрушительных ударов.

Сюй Фэй растерянно перевела взгляд с удаляющейся спины Шуиня на Шан Яня.

— Ладно, я провожу его. Шэн-цзы, отвези Яня в больницу, пусть его осмотрят как следует.

— Сделаю, — кивнул Гуань Шэн.

В салоне автомобиля, куда сел Ли Шуинь, воцарилась глухая тишина. Сюй Фэй вела машину, изредка бросая осторожные взгляды в зеркало заднего вида, пытаясь разгадать, что творится в душе её странного пассажира.

Связи Ли Шуиня пугали. Откуда у деревенского парня, который еще подростком загремел за

решетку, такие познания о внутренних делах клана Шан? Он не просто знал Шан Яня — он помнил имена почти всех ключевых фигур этой семьи. Это казалось запредельной, пугающей аномалией.

Молчание затягивалось. Ли Шуинь не проронил ни звука с того самого мгновения, как узнал о замужестве Ань Гэ. Он казался воплощением предгрозового затишья — словно внутри него затаился хищник, готовый в любую секунду разорвать прутья клетки.

— Твои слова... — глухой, надтреснутый голос Шуиня наконец нарушил тишину. — Они еще в силе?

Сюй Фэй натянуто улыбнулась, предпочтя разыграть недоумение:

— О чем именно ты говоришь?

Разумеется, она прекрасно всё помнила. Обещаний она ему давала немного, чтобы так легко их позабыть. Вот только выполнить то слово она уже не могла и теперь надеялась, что он отступится сам, столкнувшись с её уклончивостью.

Но Ли Шуиню было плевать на её уловки. Его прежняя апатия бесследно испарилась, уступив место холодной, хищной уверенности. Он принялся неторопливо постукивать подушечками пальцев по стеклу дверцы.

— Ты обещала, — произнес он с едва уловимой издевкой, — что подпишешь меня в агентство «Эл-Эс».

<http://bllate.org/book/20478/2140496>